

Мотивы лирики Блаже Конеского: эволюция и ценностные ориентиры

Аннотация:

Выдающийся македонский поэт Блаже Конеский (1921–1993) на протяжении всего творческого пути высшей ценностью считал завоеванную своим народом свободу и право говорить и писать на родном языке. Народное творчество было для него богатством, сохранение которого обеспечивает успешное развитие нации и ее культуры. Поэзия 1990-х гг., создаваемая в атмосфере всеобщей переоценки ценностей, отразила неизменность позиции Б. Конеского в отстаивании значимости родного языка и поэтического слова. Одновременно поэт воспеваает как важную ценность простое человеческое общение, дружбу, простые житейские радости, создавая поэзию, которую можно условно отнести к анакреонтической лирике.

Ключевые слова:

македонская литература XX в., философская лирика, тема поэта и поэзии, анакреонтическая лирика, Блаже Конеский

Alla G. SHESHKEN
(Moscow)

Blaze Koneski motives of the lyrics: evolution and value reference points

Abstract:

The outstanding Macedonian poet Blaze Koneski (1921–1993) considered throughout his career the freedom won by his people and the right to speak and write in the native language as the highest value. Folk art was for him a wealth, the preservation of which ensures the successful development of the nation and its culture. The poetry of the 1990s characterised by a general revaluation of values reflected the unchanging position of B. Konesky in upholding the importance of the native language and the poetic word. At the same time, the poet glorifies simple human communication, friendship, the ability to see and cherish simple everyday joys as an important value, creating a poetry that can be attributed to the Anacreontic lyrics.

Keywords:

Macedonian literature of the 20th century, philosophical lyrics, the theme of poet and poetry, anacreontic lyrics, Blaze Koneski

На конец 1980-х — начало 1990-х гг. приходится последний этап жизненного и творческого пути классика македонской литературы, выдающегося ученого, организатора науки поэта Блаже Конеского (1921–1993). Он сохранял творческую активность до последних дней своей жизни: стихотворение «Зимнее утро» было написано за несколько дней до скоропостижной смерти. Конескому принадлежит исключительно важное место в истории национальной литературы и культуры. В этом единодушны сегодня все исследователи на родине поэта и за ее пределами. Македонский ученый Г. Старделов симптоматично назвал свою новую книгу «Эпоха Блаже Конеского» (2018), в которой пришел к выводу, что Конеский «в своем творчестве дал ответ практически на все вопросы, имеющие исторически важное значение для македонской нации, которые сформировали и его собственную сущность [...]». В своих произведениях Конеский сочетал судьбоносные вопросы истории, человека, страны, природы, рассматривая их на фоне македонской языковой и литературной традиции¹. Другой авторитетный македонский ученый М. Гюрчинов тоже оценивает творчество Конеского в целом и его последние сборники стихов исключительно высоко, подчеркивая их «чрезвычайно широкий тематический и жанровый диапазон», наполненность «потрясающей искренностью исповеди», «широкий отклик на обстоятельства жизни народа» и одновременно «авторефлексию и обобщение собственного жизненного опыта»².

Последний период творчества Конеского пришелся на судьбоносное и одновременно сложное время для Македонии, которая стала самостоятельным государством, рождавшимся в непростой атмосфере всеобщей переоценки ценностей эпохи социализма. В те годы вокруг фигуры поэта, всю свою жизнь посвятившего македонской литературе и культуре, сложилась тяжелая обстановка, потребовавшая от Конеского серьезного напряжения нравственных и духовных сил. В общем хоре претензий к центральным властям, Союзу коммунистов Югославии и компартии Македонии, которых обвиняли в «сербизации» македонского народа (распространении зоны влияния сербского языка через школьное образование, телевидение и другие средства массовой информации), раздавались упреки и в адрес поэта и ученого.

В сферу политики неожиданно попал вопрос о македонском алфавите, в обсуждении которого приняли участие многие деятели македонской культуры и прежде всего литераторы. Зазвучали резкие обвинения в адрес Конеского, автора первой грамматики македонского литературного языка и словаря, одного из тех филологов, кто участвовал в разработке македонского алфавита. Дискуссия об алфавите и языке продолжалась в течение десятилетия (Конеского уже не было в живых), приобретая все большую политическую окраску и фразеологию. Например, предлагалось изгнать «лингвистических шпионов» — «сербские буквы» (j, љ, њ, k, g), заменив их «другими», более «македонскими» графемами. Многие писатели и ученые, в частности, писатель и филолог Венко Андоновский, решительно выступили в защиту сформировавшейся языковой традиции и призвали не смешивать сферы политики и лингвистики³. Эта позиция со временем возобладала, а значение и место Конеского в истории национальной литературы, науки и культуры поднялись в сознании современников на еще большую высоту. Так, главная награда Македонской академии наук и искусств, в основании которой Конескому принадлежит ключевая роль, теперь носит его имя: «Медаль имени Блаже Конеского». В 2021 г. Македония торжественно отмечает столетие со дня рождения великого поэта и ученого.

Атмосфера переходного времени, осложнившая отношения Конеского с рядом недавних соратников, коллег и даже друзей, наложила отпечаток на творчество поэта, его размышления о жизненных ценностях и месте поэта и поэзии в современном мире, привнеся в них новые акценты. В лирике конца 1980-х — начала 1990-х гг. продолжают звучать главные мотивы его творчества: красоты родной природы, стойкости и мужества народа, выстоявшего в исторических испытаниях, воспеваются ценность родного слова. В то же время в сборниках «Сейсмограф» (1989), «Небесная река» (1991) и «Черный овен» (1993) усиливается мотив одиночества (в целом свойственный многим философским стихотворениям автора предшествующих лет). Как отметила К. Кюлавкова, оценивая вклад поэта в национальное искусство слова, название последнего сборника получило символическое значение: оно как бы «предвосхитило жертвенный обряд, ритуал ухода в другой мир»⁴. Ряд стихов последних лет жизни окрашен раздумьями об изменившемся мире,

отказавшемся от прежних идеалов, разочарованием во многих близких соратниках и коллегах и содержит нерадостные размышления о судьбе старшего поколения, завоевавшего для македонцев право на признание их самобытности и языка. В то же время можно говорить о присутствии и развитии в позднем творчестве поэта мотивов, характерных для его лирики предшествующих лет.

Свобода как главная ценность, на алтарь которой македонский народ принес великие жертвы, воспетая в послевоенной лирике Конеского («Тешкото», «Восстание Карпоша» и др.), продолжает оставаться таковой для поэта. Он не может скрыть разочарования перед лицом попыток обесценить самоотверженный подвиг своего поколения. Весьма характерна опубликованная в сборнике «Сейсмограф» элегия «Вера». Выбор жанра весьма показателен для понимания настроения автора, с грустью наблюдающего за современниками. Основной мотив элегии — чувство вины перед погибшими в борьбе с фашизмом за свободу страны и народа и во имя идеи социальной справедливости:

*Вера нашей молодости,
что случилось с людьми, что сделалось!
Одни стали мелочными приспособленцами,
другие, — не шевельнув пальцем,
сытыми богачами и ленивыми бездельниками,
третьи — мучениками во имя твое.
Так перешептываются между собой
лежащие в могилах
те молодые ребята, почти дети,
что когда-то отдали за тебя свою жизнь⁵.*

Этот же мотив разочарования в людях, отказавшихся от духовных ценностей во имя золотого тельца, сквозит и в стихотворении «Очеловечивание». Оно содержит переключку с лирикой основоположника национальной литературы, участника коммунистического движения 1920–1930-х гг. и партизана Кочо Рацина (1908–1943), верившего в благородство и широту человеческого сердца («сердце шире широкого») и призывавшего вырвать человека из «рабства» и беспросветной нужды. Конеский с сожалением наблюдает в современниках обратное:

*Раз могли они не только подумать,
но и сказать мне,
что я не знаю, что значит свободно вздохнуть
грудью шире широкого,
чтобы обнять целый свет.
Значит, не так нужно говорить:
родится человеком — рабом станет,
а вот как:
родится рабом и рабом будет,
Кочо Рацин, брат мой!*

(II: С. 221)

То есть речь идет о разрушительной для личности утрате высоких идеалов, о расчеловечивании. К этому стихотворению примыкает стихотворение «Лжепророки», которое содержит философское осмысление переходного времени. Оно наполнено ассоциациями с Библией и адресовано современникам, попавшим под обаяние красивых обещаний, часто звучавших в те бурные годы: «Придет время лжепророков, [...] что будут вещать во имя мое / [...] объявлять, что они спасители [...] / Не верьте им! » (II: С. 254).

Мысли Конеского в эти годы постоянно возвращаются к теме судьбы поэта и поэзии. В поисках ответа на вопрос о месте поэтического слова в мире, где правят меркантильные соображения, он обращается к любимым деятелям национальной культуры — братьям Миладиновым, Р. Жинзифову, К. Рацину и Н. Вапцарову, преданно служившим сохранению и развитию родного слова, несмотря на все превратности жизни Конеский говорит, что видит смысл не в практической пользе профессии поэта («что же не пошел ты в столяры, в полировщики / или хоть в башмачники, сапожники» (II: С. 259)), а в сохранении красоты и богатства языка. Язык же, в его понимании, является условием сохранения национальной идентичности, без которой все другое теряет цену. Лирический герой стихотворения («Моим стихам») надеется, что если его «песни» когда-то «будут совсем забыты», они все равно «будут свидетельствовать» о высоких сокровенных помыслах их автора. В одном из последних стихотворений Конеский опять возвращается к своему призванию — защищать родное слово как условие самого существования народа:

*Ради могучего слова, пусть на непризнанном языке,
я все еще перебираю звуки македонской лиры.
Слово — мой щит, равный вашей силе,
вы, силачи!*

«Соппротивление» (II: С. 324)

Интересно, что в рассуждениях о личности поэта и его практически неизбежном одиночестве, македонский автор нередко прибегает к диалогу с великими русскими поэтами, безвременно ушедшими из жизни, А.С. Пушкиным и В.В. Маяковским. В сборнике «Златоврв» (1989) Конеский посвятил поэту XX в. стихотворение, в котором размышляет о жизненной драме и трагической смерти этого яркого человека-творца:

*Он вдруг остался совсем один.
Его поразило острое сознание
бесконечной отдаленности
даже самой близкой души.
Так ребенок впервые чувствует,
что у матери есть другие заботы
и даже радости.
Он понял
в этой пустоте,
что спасения нет
и что уже быт вдребезги разбил
любовную лодку.*

«Маяковский» (II: С. 196)

Бросается в глаза использованная вольная цитата из стихотворения Маяковского «Неоконченное»: «любовная лодка разбилась о быт». Находкой Конеского можно считать слово «раскостил» — на македонском «разбил вдребезги» — усилившее в переводе основную мысль стихотворения Маяковского.

Конеский нередко в собственном творчестве писал об одиночестве поэта, ранимости его души, страдал от непонимания, предательства, испытывал сомнения в том, будут ли его знать и читать потомки. В этом контексте его размышления о судьбе яркого и сильного «горлана, главаря», но внутренне тонкого и ранимого человека,

предстает в новом свете, заставляет задуматься об уязвимости души самого Конеского и отчаянной потребности в любви и понимании.

В последнем прижизненном сборнике поэт опубликовал стихотворение «По А.С. Пушкину», которое представляет собой вольную интерпретацию нескольких начальных строк стихотворения: «Не дай мне Бог сойти с ума...»: «Не дај, Боже, од ум да се шекнам / Дај ми, Боже, да скипнам, да секнам» (II: С. 331). Впервые за долгие годы Конеский вновь обратился к Пушкину (пушкинскую лирику поэт переводил еще в 1940-е гг.), который оказался созвучен его собственным настроениям и переживаниям. Выбор стихотворения и интерпретация его основного мотива интересны. Стихотворение «Не дай мне Бог сойти с ума...» (1833) проникнуто у Пушкина подлинным, глубоким сочувствием к несчастным людям, которых болезнь навсегда лишила полноценной жизни. Безумие показано как истинная, ни с чем не сравнимая трагедия человека. Македонский поэт, однако, просит судьбу о другом: он молит Господа сохранить ему разум, чтобы иметь возможность выразиться в творчестве до конца: «выкипеть» («да скипнам») и «иссякнуть» («да секнам»).

Важной константой лирики Конеского является обращение к фольклору, к народной песне, служащей богатым источником тем и мотивов. В поэзии автора XX в., посвященной философским раздумьям о судьбе человека, о смысле человеческого существования, о любви и смерти, о подвиге и поражении наблюдается переосмысление ряда известных фольклорных сюжетов. Замечено, что творчество народа «для поэта стало не только связующей нитью с краем, где он родился и вырос и его традицией, но также источником новаторских поисков и новых оригинальных поэтических идей»⁶. Характерный пример — стихотворения 1960–70-х гг. Так, «Больной Дойчин» (1961) перекликается с известным у южных славян эпическим сюжетом о последнем подвиге одинокого героя, забытого и преданного друзьями. В народной песне больной Дойчин, долгие годы прикованный к постели, собирает последние силы и побеждает намного более сильного врага, защищая свою честь, честь своей семьи и освобождая народ от чужеземца. Он отправляется на битву на неподкованном коне, с заржавевшей саблей, еле держась в седле, потому что понимает, что никто, кроме него, не осмелится противостоять могучему завоевателю. Конеский передает «дух» народной

песни. Он не воспроизводит известный сюжет, а сосредотачивается на внутреннем состоянии героя, собирающего силы для последнего боя. При этом Конеский, учитывал опыт Рацина, который в своей лирике, как справедливо заметил македонский исследователь М. Китевский, «брал за основу песни, которые до сих пор поются и популярны в народе» и использовал «фразу или стих из народной песни, которые пробуждают в нашем сознании широкий круг ассоциаций с определенными настроениями и мотивами, известными из народного творчества»⁷. Конеский тоже рассчитывает на активизацию у читателя нужных ассоциаций. Его стихотворение представляет собой монолог Дойчина, который рассказывает об утрате богатырской силы и длительной болезни, когда он почувствовал себя «маленьким, смешным и больным» / «ситен и смешен и болен» (I: С. 197).

Герой сражен настигшей его в полном расцвете сил судьбой, против которой он восстает. Он мечтает, что найдется женщина («та, что страдала много» / «ти што си страдала многу» (I: С. 198), которая поможет ему подняться и взять в руки меч, чтобы умереть в бою, как подобает герою: «Я мечтаю лечь в темную и холодную могилу — / но нет мне конца без подвига, уготованного судьбой» («Јас копнеам гроб темен и студен — / нема крај без мојот подвиг суден» (I: С. 198)). Бросается в глаза, что автор не использует, как можно было бы ожидать, постоянных эпитетов народной поэзии, отходит и от десетерца — размера народного героического эпоса. Только две строки: «Болен лежам до девет години, / што искинав до девет постели» («Больной лежу уже девять лет / так что все девять постелей протер» (I: С. 197)) — максимально близки народной песне, в том числе по размеру. В стихотворении Конеского очень важен ритм, меняющийся в каждой из пяти строф, строфика и рифма. Это позволяет передать изменения в настроении героя.

Народные легенды стали основой и для цикла «Марко Крале» («Лишение силы», «Стерна» и др.). Родившийся недалеко от Прилепа, столицы средневекового королевства, где правила династия Мрнявчевичей, из которой происходил исторический Марко Королевич, Конеский не мог обойти стороной эту центральную фигуру народного эпоса. У македонского поэта мы обнаруживаем современный взгляд на мотивы народных легенд и поверий, связанных

с Марко Королевичем. Конеский интерпретирует легенду о строительстве монастыря («Марков Монастырь», «Крепость»), вводит в народную легенду о «Лишении силы» мотив богоборчества, в легенду о подземной реке Стерне — мотив героического подвига ради блага народа, ради сохранения плодородных земель от затопления (трактовка этого мотива несет следы античного мифа), в легенду о Собачьем холме — мотив смерти эпического героя, который должен так уйти из жизни, чтобы у поработанного народа не исчезла вера в его возвращение: «Только чтобы никто не видел моей смерти / только б остаться наедине с ней» («Само никој да не ја види мојата смрт / да бидам сам со неа» (I: С. 312)). На первый план выходит постановка сложных морально-этических проблем: вины и ответственности, нравственного выбора, подвига как этического деяния. Марко Королевич борется с самим собой, в отличие от фольклора, где его главный враг — турки. Он погружен в размышления и сомнения, его терзает неуверенность в правильности совершенных поступков, пусть и продиктованных благой целью. Важным является то, что автор становится на народную точку зрения, которая помогает ему избежать настроения безнадежности и ощущения бессмысленности бытия (весьма распространенных в искусстве XX в.). Народная точка зрения на смысл человеческого существования не приемлет понимания жизни как абсурда, при всех тяготах, жертвах и трагедиях. Жизнь народа созидательна, и его отношение к родной земле уважительное и бережное. Надежда на благополучие семьи и плодородие закреплена в обрядах и обычаях, должных обеспечить здоровье, рождение детей, хороший урожай («Николай Чудотворец»). Этот мотив является главным и в одном из последних стихотворений поэта «Обновление» и становится подлинным гимном вечного движения жизни:

*Откройте окна,
Откройте двери,
Пусть войдет свежий воздух...
Пусть войдет молодая мать,
Пусть внесут мужское дитя
Пусть войдет жизнь,
как свежий воздух,
в каждый затхлый угол.*

(II: С. 347)

Конеский в своем последнем сборнике постоянно обращался к мотивам поиска точки опоры в жизни, после всех потрясений начала 1990-х гг., в том числе касающихся и его лично, готовый радоваться малому («Смирение») и по-новому воспринимая ценность того, что окружает человека в повседневной жизни. Органичное для поэта гармоничное восприятие жизни помогает его лирическому герою преодолеть диссонанс разрушения. Оно отразилось в открытии лирическим героем ценности простых вещей: встреч с друзьями и неспешной беседе, вкусе вина и ароматного кофе, привычных, но всегда новых картинах родной природы («Убежище», «Натюрморт»). Радость постоянного общения с ровесниками и друзьями привносит в его жизнь гармонию. Именно такие встречи людей, понимающих друг друга без слов, дают им силы и «укрепляют гордый дух» поколения тех, кто со стороны может показаться «обломками кораблекрушения» и «жертвами проклятой старости». «Святые заветы юности» (II: С. 334) остаются незыблемой ценностью («Убежище»). Несколько позднее было написано стихотворение «Друзьям», в котором лирический герой прощает недостатки, ошибки, притворство и даже предательство тем, с кем прошел по жизни, во имя общего прошлого и общей «меры человеческой любви» (II: С. 346).

Целый ряд стихов позволяет обнаружить ассоциации с античной лирикой, прежде всего, с анакреонтической поэзией. Эта черта, характерная для разных периодов развития европейской, в том числе русской поэзии, — новая в поэзии Конеского, до настоящего времени прошедшая мимо внимания исследователей. Вопрос о македонской интерпретации анакреонтической традиции требует отдельного изучения. В данной статье имеет смысл лишь констатировать факт, что ряд стихотворений Конеского показывает, как поэт открывает ценности жизни, воспетые Анакреонтом, умевшим и на склоне лет находить прекрасное в наслаждении солнцем, вином, природой. Показательно, что эти мотивы появились в поздней лирике македонского поэта, вдохновленного пребыванием на берегу Дойранского озера, по которому проходит граница Македонии и Греции. В Дойране (с македонской стороны) Конеский любил проводить летнее время. Мотивы, связанные с Дойраном, присутствуют у него на протяжении всего творчества: от цикла «Дойран» из раннего сборника «Земля и любовь» (1948) до цикла «Дойранская элегия» из сборника «Небесная

река» (1991). Однако в ранней поэзии говорить об анакреонтизме не приходится. Эта черта обнаруживается в закатной лирике.

В то же время нельзя не отметить и важное отличие лирики позднего Конеского от анакреонтической европейской поэзии — поэзии молодости, чувственности и беззаботного веселья. В определенном смысле Конеский даже ближе античному автору, подчеркивавшему свой преклонный возраст. Стихи македонского поэта созданы на склоне лет, что неизбежно отразилось на мировосприятии лирического героя. Однако он не иронизирует над возрастом, в отличие от Анакреонта. Гармонию, которую он пытается обрести, омрачает мысль о том, что радостями жизни недолго осталось наслаждаться и ему, и «старым друзьям», спрятавшимся в тенистой прохладе от августовского зноя, коротающим время за неспешной беседой. Им грустно осознавать, что жизнь подошла к закату, поэтому «выпитая до дна чаша вина», «зрелый кизил» и «полная ваза яблок» на столе, «струящийся аромат кофе» («Натюрморт»; II: С. 335) радуют, но не приносят ожидаемого умиротворения. Написанные в форме сонета, эти стихи при помощи неброских эпитетов и метафор создают теплую атмосферу радости и взаимопонимания между людьми. Поэт призывает видеть в этих мгновениях «подарок неба» и ценить их. «Я в будущую жизнь возьму тебя с собой» (II:С. 344) говорит он, обращаясь к заснеженной вершине горы, на которую часто любовался.

В самой большой степени гармоничное видение мира отразили стихотворения «Обед» и «Чашка чая». В стихотворении «Обед» лирический герой с умилением наслаждается традиционной македонской трапезой, что подчеркивает обильное использование деминутивов:

*Эта рюмочка домашней ракии..,
прозрачной и искристой,
этот перчик
чуть зарумянившийся сверху,
крепкий и хрустящий...
этот помидорчик, красный и сочный, [...]
и белая брынзочка,
такая вкусная, когда жуешь ее с румяной краюхой хлебушка
так, что слюнки текут и поет душа, —*

*прими их как неба дары,
посланные сегодня,
и мысленно поблагодари за все это.
Может быть, и завтра ждет тебя такая же милость.
Почему бы и нет?
Никогда ведь не знаешь.*

«Обед» (II: С. 338)

Эмоции, рожденные наслаждением повседневными мелочами, звучат в «Чашке чая», превращаясь в важную часть жизни, которую человек зачастую перестает замечать и ценить:

*Чайник шумит на плите,
в нем вода закипает.
Пакетик с чаем в чашке уже поджидает.
Скажи, давай-ка, что это неважно!
О, предчувствие теплоты
уже разливается по жилам
до самого сердца.
по всей левой стороне груди,
как смутное воспоминание о любовном возбуждении!
Представь, что ты лишен всего этого!*

«Чашка чая» (II: С. 339)

Следует согласиться с мнением македонских исследователей, что и в поздней поэзии Конескому удавалось удивить читателя, восхитить и взволновать умением опозитизировать привычную жизнь, заставив увидеть ее с неожиданной прекрасной стороны. Он как бы ищет и находит тот «предел простоты», который отделяет поэзию от тривиальности⁸.

В богатой гамме мотивов поэтического творчества Конеского можно выделить такие, к которым он неизменно обращался, каждый раз обнаруживая новые нюансы их трактовки. К ним относится мотив свободы своего народа, тесно связанный с правом говорить и творить на родном языке, защитником которого Конеский последовательно выступал. В последних стихотворениях на эту тему он вновь подчеркивает роль поэта в деле сохранения родного языка и национальной самобытности. Язык и родное слово стали те-

ми ценностными ориентирами, значение которых подчеркивалось на всех этапах творчества и мощно зазвучало в последних сборниках Конеского. Его размышления о судьбе поэта и поэзии и их месте в истории народа насыщены реминисценциями и ассоциациями с произведениями мастеров слова предшествующих эпох, не только национальных (Рацин), но и зарубежных. Наиболее близкими в этом плане оказались для Конеского русские авторы (Пушкин и Маяковский). Важнейшей константой его творчества является его постоянная и органичная связь с фольклором и народной традицией в целом. В философски насыщенной поэзии классика македонской литературы на позднем этапе появляется понимание ценности будничной жизни, воспевание простых вещей, их красоты и гармонии. В целом же Конеский на протяжении всего творчества был выразителем духа и видения мира своего народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Старделов Г.* Эпоха Блаже Конески. Скопје, 2018.
- ² *Ѓурчинов М.* Кон поетиката на Блаже Конески (Размислувања врз матријалот од неговата последна фаза) // *Ѓурчинов М.* Облик и смисла. Критики и огледи (1990–2000). Скопје, 2000. С. 15.
- ³ *Андоновски В.* Графомитологија // Стожер. 2000. № 32–33. С. 40–41. Автор подчеркнул, что в Македонии нет необходимости в азбучной реформе.
- ⁴ *Ќулавкова К.* Беседа за Блаже Конески (по повод 5-те тома од неговите Собрани дела) // МАНУ скрипт, 2019, № 1–2. С. 22.
- ⁵ Здесь и далее стихи Конеского с указанием тома и страницы в круглых скобках цитируются по изданию: *Конески Б.* Целокупни дела. ТТ. I –X. Скопје, 2011. С. 220. Перевод сделан автором статьи.
- ⁶ *Мартиноска А.* Конески и фолклорот. Скопје, 2012. С. 221.
- ⁷ *Китевски М.* Студии за македонскиот фолклор. Скопје, 2002. С. 93, 94.
- ⁸ *Ѓурчинов М.* Кон поетиката на Блаже Конески. С. 19.